

*Елена
Арсеньева*

ЛЮБОВЬ ВЕЛИКИХ ЖЕНЩИН

*Прекрасные
авантюристки*

Прекрасные авантюристки

Елена Арсеньева

**От любви сумасшедшая
(Ольга Жеребцова)**

«Автор»

2003

Арсеньева Е. А.

От любви сумасшедшая (Ольга Жеребцова) / Е. А. Арсеньева —
«Автор», 2003 — (Прекрасные авантюристки)

ISBN 5-699-04718-2

Эти женщины пытались выстроить свою судьбу именно так, как представлялось им в дерзких и... прекрасных мечтах! Не жалея сил, а порой и жизни, стремились они во что бы то ни стало изменить предначертанное им от века, поспорить с волей небес, рискнуть – чтобы победить или... упасть во прах. Цели у них были разные: воинской славы искала Надежда Дурова, сияния царской власти Марина Мнишек, сказочной любви Ольга Жеребцова... Что еще двигало этими женщинами, как высоко удавалось им взлететь, как низко пасть, чего добиться – читайте в исторических новеллах Елены Арсеньевой...

ISBN 5-699-04718-2

© Арсеньева Е. А., 2003

© Автор, 2003

Содержание

	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Елена Арсеньева От любви сумасшедшая (Ольга Жеребцова)

Однажды сумрачным петербургским утром (дело происходило в 1796 году ранней весной) некий господин – действительный статский советник и сенатор, только получивший это звание, – примерял новый мундир перед зеркалом и был чрезвычайно доволен своим видом. Ему было около сорока, и этот молодежавый, довольно высокий, статный человек и впрямь смотрелся весьма эффектно. Одна беда – на его горделивой (хотя и чуточку начинающей лысеть!) голове нипочем не желала сидеть треуголка. Было такое впечатление, что шляпных дел мастер сделал ее какой-то мелковатой.

Действительный статский советник снял треуголку, ощупал ее и на всякий случай заглянул внутрь. Ну что тут скажешь? Отличное сукно, мягкая подкладка. Надел снова – опять жмет! В народе сия шляпа называлась глумливо – шипец, однако нашему советнику сейчас казалось, что сие название вполне оправданно. Полное ощущение, что в шляпу его в самом деле вставлен изнутри некий шип, который и давит на многоумную голову сего господина.

«Какое счастье, что нынче не надобно идти в службу, – подумал советник. – Немедля пошлю за шляпником и велю пошить треуголку номером больше!»

Забегая вперед, следует сказать, что он так и поступил. Однако и другая треуголка, и новая, заказанная у иного шляпника, продолжали причинять действительному статскому советнику те же страдания. Что было делать? Пришлось смириться и страдать, проклиная про себя безруких и неумелых ремесленников.

А между тем ремесленники тут были совершенно ни при чем. Проклинать нашему герою следовало не их, а собственную супругу. Ведь именно по ее вине ему не приходилось в пору треуголки.

Суть в том, что благодаря проказам этой прекрасной дамы у господина действительного статского советника выросли на голове рога, и к моменту начала нашего повествования они столь презрительно разрослись, что не могли уместиться ни в одну шляпу в мире.

* * *

Сия аллегория вполне могла быть понятна всякому, кто был в свое время знаком со статским советником Алексеем Алексеевичем Жеребцовым и его супругой Ольгой Александровной. К описываемому моменту они были женаты уже 14 лет, имели двоих детей, однако отнюдь не беспокойство о подрастающих наследниках довлекло над отцом семейства. Все эти годы ему доставляла беспрестанные хлопоты жена. Буквально с первого дня свадьбы! Ну, в крайнем случае со второго.

Ах, какая же она была лапушка во времена его жениховства, частенько вспоминал Жеребцов. Умилялся – и не мог поверить, что это соответствовало действительности. Тогда он был фурыером¹ артиллерийского полка, стоявшего в Москве.

Вся родня и знакомые Алексея Жеребцова остались в Ямбурге, и в Москве он чувствовал себя не весьма уютно. Честно говоря, Москва того времени мало отличалась от какой-

¹ Фурыер – заготовщик корма для лошадей, съестных припасов для людей, квартир для войска – то есть интендант.

нибудь Тулы или другого провинциального города: весь блеск светской жизни сосредоточился в Санкт-Петербурге! Однако Ямбург был и вовсе глухоманью, а потому понятно, отчего Алексею Алексеичу было несколько не по себе в Москве. По натуре своей был он человек скромный и редко хаживал на вечеринки и домашние балы, куда порою зазывали его приятели. Танцевать не умел, болтовню веселую, а порою и опасно-фривольную, поддерживать стеснялся. Однажды, впрочем, отказаться от приглашения оказалось совсем уж неловко. Зван Алексей был на день ангела невесты своего ближайшего приятеля, Ямпольского. Пришлось раздобыть во французской лавке цветочков (сей иноземный обычай – ходить к дамам непременно с букетами – уже приживался в России!) и явиться.

Впрочем, он не пожалел, что пришел. Люди кругом были исключительно приличные, обстановка богатая, ужин прекрасный. Держались все чинно и благородно. Здесь царил дух безусловного почитания русской армии вообще, а господ артиллерийских фурыеров – в частности, и Алексей Алексеич (ему шел двадцать пятый год, и, конечно, такого солидного человека следовало называть только по имени-отчеству!) чувствовал себя в этой атмосфере как нельзя лучше. Однако все это благостное настроение рухнуло ровно через час, когда в дом ворвалась неприлично опоздавшая подруга невесты – Оленька Зубова.

При одном только взгляде на нее Алексей ощутил пренеприятнейшее чувство, тем более нелепое, что барышня была прелестна. Вот именно – прелестна и прельстительна! Очень хороша. Просто красавица. Чудо красоты – вот как следовало бы сказать. Слово «очаровательница» подходило к ней как нельзя лучше. Вернее было бы даже выразиться – «чаровница»!..

Алексей Алексеич вдруг поймал себя на том, что уже добрых четверть часа не пьет, не ест, не принимает участия в застольной беседе, а пялится как дурак на гостью и подбирает наилучшие эпитеты для отображения ее красоты и прелести. Как если бы он был какой-нибудь записной пиит, кропатель чувствительных стишков!

Что пиитов-кропателей, что стишки (да и чувства всяческие, если на то пошло!) Алексей Алексеич сугубо презирал. И, обнаружив в себе сходство с презираемым предметом, встревожился не в шутку. В этом-то и состояло неприятное ощущение, возникшее у него с приходом Оленьки Зубовой. Эту барышню называть как подобало – Ольгой Александровной – язык совершенно не поворачивался!

Она вела себя как совершенная девчонка. Не дав никому толком докушать очередную перемену блюд (а среди них были, между прочим, исключительнейшие котлеты, которые Алексей Алексеич, признаемся в скобках, предпочитал всяким другим яствам, особенно когда они были приготовлены в подливке – вот как сейчас!), она вдруг затеяла играть в фанты. Сия забава, которая одно время отошла было в разряд провинциальных, в последнее время вновь оживилась на Москве, и Алексей Алексеич не раз слышал от более светских сотоварищей своих, что некоторые затейники выдумывают фантам самые несусветные забавы. Попытка усадить квартального надзирателя в сани, запряженные медведем, относилась к числу самых рискованных, а оттого стала своего рода преданием.

Нет, конечно, ни медведя, ни квартального надзирателя в непосредственной близости не наблюдалось, задания раздавались самые простые и невинные: пропрыгать на одной ножке по лестнице вверх и вниз по всем ступенькам, вприсядку сплясать, в окошко высунувшись, петухом прокричать и все такое, однако Алексей Алексеич все равно чувствовал себя отчего-то неуютно. Поразмыслив, он сообразил, что неуют сей проистекает оттого, что рядом стояла, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу и ожидая решения своей участи, новая гостья.

Волей-неволей Алексей Алексеич поглядывал на свою беспокойную соседку. На ней было темно-голубое платье, весьма подходящее к ее голубым глазам. Волосы у нее были темно-русые, не напудренные, вопреки моде, и вообще, отнюдь не создавалось впечатления, что барышня сия проводит пол-утра за своим туалетом. Видимо, она была из тех счастливиц, которым к лицу все на свете. В ней было что-то простое и в то же время изысканное. Поразмыс-

лив, Алексей Алексеевич решил, что родинка на щечке, близ уголка губы, придает Оленьке совершенно неотразимую прелесть. Ну и кудряшки, выбившиеся из-под ленты, охватившей ее голову...

– Что этому фанту сделать? – воскликнула в это время невеста Ямпольского, вынимавшая из большой картонки сложенные туда вещи – фанты, и Алексей Алексеевич увидел, что вынут его новехонький фуляровый платок – светло-синий, чрезвычайно модный. Алексей Алексеевич нарочно выбрал именно его в качестве фанта, чтобы похвалиться такой дорогой и изысканной вещью.

Задания раздавал Ямпольский.

– Этому фанту... – проговорил он задумчиво, – этому фанту следует со следующим фантом... а достаньте-ка его, Катенька!

Катенька выудила из картонки изящный браслетик с жемчужинками и корольками², и Алексею Алексеевичу почудилось, что его соседка чуть слышно хихикнула.

– Значит, так, – важно изрек Ямпольский. – Этому фанту следует со следующим фантом выйти в другую комнату и там трижды расцеловаться, причем непременно в губы.

По комнате пронесся общий вздох. Собравшиеся были несколько скандализированы и решили, что Ямпольскому ударило в голову либо игристое вино, либо близость свадьбы. А впрочем, все были немножко навеселе, и то, что вызвало бы в другое время возмущение, обошлось лишь легким укоризненным шушуканьем.

– Чей фант, господа? – спросила Катенька, поднимая синий фуляровый платок.

– Майн, – отвечивал Алексей Алексеевич, бог весть почему по-немецки.

– А этот? – Катенька покачала на пальчике браслетик.

– Муа, – отвечивала на кокетливом французском барышня Зубова.

– Ну что ж, господа, – с возможной назидательностью изрекла Катенька, – вы слышали волю судьбы. Прошу вас повиноваться.

Алексей Алексеевич стоял, как к земле приколоченный. Одна только мысль, что можно будет оказаться наедине с барышней – и с какой! с чудом красоты! с чаровницею! – да еще к тому же поцеловаться с ней, «причем непременно в губы!», привела его в состояние, схожее с каталепсией³. А впрочем, через минуту он уже казался себе некоей самодвигой, механической куклой, которые образованные люди называли автоматом. Движителем автомата была в данном случае Оленька Зубова. Подчиняясь легкому прикосновению ее пальчиков, самодвига Жеребцов деревянно, не сгибая ног в коленях, промаршировал в соседнюю комнату и стал там прежним истуканом, глядя, как Оленька плотно прикрывает тяжелые двери. Шум и смех в гостиной точно отлетели за много верст. Стало почти тихо. Впрочем, что-то громко и часто грохало в этой тишине.

Не вдруг Алексей Алексеевич сообразил, что это стучит его переполошенное сердце.

Оленька стояла рядом, глядя на него прямо и весело. Она была лишь немного ниже Жеребцова, который привык считать себя высоким. Впрочем, сейчас ему чудилось, что это не Оленька смотрит на него снизу вверх, а он искательно заглядывает ей в глаза, валяясь во прахе у ее прелестных ножек.

«Да ты ж их никогда не видел, сии ножки!» – чудилось, воскликнул кто-то трезвый и разумный в затуманенной голове Жеребцова. «А, и пусть! – обреченно ответил он этому трезвому голосу. – Разве у такой красавицы могут быть иные ножки, не прелестные?!»

Однако сейчас следовало бы подумать не столько о ножках, сколько о губках этой барышни – тоже, впрочем, прелестных и напоминавших вишни. Они были близко-близко, и ее

² Так в старину называли кораллы.

³ *Каталепсия* (мед.) – оцепенение, наблюдающееся при гипнозе, летаргии, истерии и ряде психических заболеваний.

голубые, невероятно голубые глаза тоже были близко-близко... Потом она опустила ресницы, словно давала какой-то знак.

Знак согласия!

Алексей Алексеевич вдруг подумал, что некоторые барышни, которым бог не дал таких прелестных родинок, как у Оленьки, нарочно наклеивают их себе сами, поскольку это очень модно. И мушка на щеке, возле губ, как раз и означала – согласие.

Нет, она и впрямь согласна с ним поцеловаться? Она дает ему знак? Но ведь это родинка, а не мушка! Она настоящая, а не...

Он не успел додумать, потому что Оленька нежно вздохнула, и Алексей Алексеевич припал к ее вишневым губкам. И все смешалось в его голове и в сердце... и длилось это смятение мыслей и чувств не минуту, и даже не день, и не два дня, и не три, а все то время, пока он объяснялся Оленьке в любви, пока сватался к ней и требовал, чтобы обвенчали их как можно скорей... И вот наконец она стала его женой...

И только тогда он узнал, что на щеке у нее была не родинка, а мушка из коричневого бархата – это первое. Второе – что глаза у нее не голубые, а скорее серо-голубовато-зеленоватые, совершенно неопределенного, переменчивого, лживого оттенка, которые принимают цвет любого платья. Ну а третье... О, этого третьего, четвертого, пятого... тысяча двести сорок восьмого было столько, что Алексей Алексеевич еще и по сей день, спустя четырнадцать лет, не переставал этому удивляться. А еще больше удивлялся себе: как это он, такой благоразумный и приличный молодой человек – фурьер артиллерийского полка, а не какой-нибудь статский хлыщ!!! – связался с *такой особой*.

Бабушка Алексея Алексеевича, Матрона Филипповна, называла подобных *особ* шальными.

Вот именно! Шалая – это слово подходило к Ольге Зубовой (ах, пардон, теперь уж Жеребцовой!) как нельзя лучше.

...Между прочим, вся ее семья была шалая. Ну разве что папенька, Александр Николаевич, еще заслуживал звания приличного человека. Прежде он был вице-губернатором где-то в провинции, но об том времени вспоминать не любил, ибо в 1763 году бежал из своей губернии вместе со всем семейством, спасаясь от надвигавшейся пугачевской орды. Страху при бегстве натерпелись столько, что и подумать о возвращении в родные пенаты было жутко. Семейство обосновалось в Москве, благодаря поддержке влиятельных друзей устроились кое-как – далеко от прежнего широкого провинциального житья. Старшие сыновья, Николай, Валерьян и Платон, кто ушел служить в армию, кто уехал в Петербург. Оленька гоняла по вечеринкам, искала жениха. Она поняла, что с помощью усталого от жизни папеньки вряд ли вырвется из скучной Москвы. И решила выйти замуж за какого-нибудь военного, пусть не слишком богатого (Зубовы были не бедны, отнюдь нет!), но молодого, красивого и, главное, с будущим. И чтобы им было легко властвовать!

Алексей Алексеевич Жеребцов на первый взгляд показался Ольге как нельзя более подходящим. Спустя неделю после свадьбы, впрочем, она поняла, что ошиблась.

Итак, они оба ошиблись... Но оба уже были связаны неразрывными узами венчальными, тем паче что сразу вскоре после свадьбы один за другим родились сын и дочь. Вторые роды были нелегки, и Оленьке запретили в ближайшие годы даже думать о третьем ребенке.

Алексей Алексеевич приуныл. Не то чтобы он так уж сильно хотел детей! Но ему, быломu скромнику и девственнику, теперь очень понравилось то, что предшествует появлению детей на свет. А этого, как выяснилось, никак нельзя было себе позволять... Пришлось снять квартиру на одну комнату побольше: теперь у них с женой были разные спальни. Оленька была так близка – и так недосыгаема! Эту новую квартиру Алексей Алексеевич сразу же возненавидел.

Странно: жене эта квартира, напротив, чрезвычайно нравилась. Особенно ей пришлось по душе ее новая отдельная спальня...

Впрочем, долго терзаться танталовыми муками Алексею Алексеевичу не пришлось: отвлекали дела служебные. В 1787 году он вместе со своим полком участвовал в походе против шведов в Финляндии; много бывал в разъездах. Наконец в 1790 году Жеребцов вышел в отставку бригадиром.

При его наездах домой Оленька делала большие глаза, говорила: «Вы что, сударь?! Как можно?! Доктор запретил!» – и покрепче закрывала дверь своей спальни на ночь. Между тем Алексей Алексеевич находил, что жена выглядит еще прелестней, чем прежде. Глаза сияли ярче, щечки розовели, как мальвы, милая мушка так и порхала по личику, обозначая какие-то загадочные сигналы, адресованные бог весть кому, только не родному мужу.

Вдобавок она пристрастилась к танцеванию.

Почтенная, можно сказать, дама, мать двоих детей! В ее годы (Оленька родилась в 1765-м, стало быть, в 1790-м ей было *уже* 25!) пора остепениться, ощутить себя почтенной матроною, сделаться пышной, малоподвижной клушей и снисходительно взирать на мир... Она же, совершенно забросив детей на нянек, мамок и деда с бабкою, днями моталась по урокам танцев, которые, надобно сказать, с каждым годом делались все популярнее.

В ту пору все известные учителя бальных танцев были завалены уроками, и тогдашние танцклассы являли престранную картину! Как рассказывали, тут можно было видеть восьмилетних детей, весело прыгающих чижиком, немца-старичка с подвязанной челюстью, который задыхается, но танцует упорно, какого-нибудь богатого армянина в национальной одежде, постигающего сугубо европейские па, молодых и совсем немолодых барынь (в папилютках!), которые изо всех сил старались выделять па-де-зефир и кокетливо поглядывали по сторонам, ожидая всеобщего одобрения. Больше всего в ту пору танцевали экосез, котильон, кадрили, гротфатер, полонез, краковяк, алеману, русскую, па-де-шаль. И Ольга Александровна скоро сделалась не просто неутомимой и умелой танцоркою, но и превзошла многих своих учителей.

Кстати сказать, именно с тех пор, как Ольга стала бегать по урокам, господин Жеребцов впервые ощутил некое неудобство, надевая головной убор. Но неудобство сие было настолько незначительным, что он до поры до времени решил не обращать на него внимания.

Ну что поделать? Его жена была игрушкой своего пылкого и страстного темперамента. Ольга мечтала о разводе, но развод получить было невозможно. И наша красавица, пользуясь частыми отлучками супруга, начала вести жизнь свободной, незамужней девушки – с той лишь разницей, что потерь девических понести уже не могла... Это и придавало ей особенное очарование в глазах мужчин!

У нее было море поклонников, однако с ними со всеми она простилась без сожаления, когда все Зубовы внезапно перебрались из Москвы в Петербург.

Впрочем, внезапным это могло показаться только господину Жеребцову, который был слишком занят делами своей службы, а затем и отставки. А прочие-то Зубовы (и особенно Ольга Александровна!) ожидали чего-то подобного уже с 1789 года – с тех пор, как их сын и брат Платон Александрович вошел в милость у императрицы Екатерины Алексеевны.

* * *

Всем светским людям было прекрасно известно, что близ государыни всегда находился какой-нибудь красивый молодой человек, коего она отличала особенным образом. Это называлось «быть в случае» и не только не порицалось благоразумным обществом, но и весьма приветствовалось, ибо влекло за собой такие мирские блага, которые и во сне не снились людям обыкновенным. Многие родовитые красавцы очень даже мечтали оказаться в «случае» и всячески домогались этого. Например, молодой князь Кантемир просто-таки преследовал императрицу своими признаньями и мольбами, пока не был выслан из столицы. Чаще

всего искатели действовали, втираясь в милость к тем, кто обычно рекомендовал молодых людей императрице. Обычно это обустраивал Григорий Алексеевич Потемкин, но удавалось протиснуться со своей протекцией и другим. Например, обер-полицмейстер Петербурга граф Петр Толстой несколько лет назад, воспользовавшись отъездом Потемкина, представил Екатерине Алексеевне кавалергарда Александра Ланского, который стал ее большой любовью. Она с трудом пережила его смерть и долго не могла утешиться. Ланского сменил Александр Дмитриев-Мамонов, однако умудрился влюбиться в какую-то там княжну Щербатову, женился на ней и потерял благорасположение государыни. Екатерина Алексеевна откровенно скучала, настроение у нее было прескверное... Она непременно должна была чувствовать себя не только властительницей огромной страны, но и женщиной, причем именно любимой женщиной!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.